

Рогозин Д.М.: «Быть рядом с наставником...»

Откройте результаты исследования интернет-аудитории "Телескопа", Таблица 1 дает распределение рейтингов 10 наиболее читаемых в 2014 году в веб-сети публикаций "Телескопа". Первое место со значительным опережением занимает статья Тимура Османова и Дмитрия Рогозина "Особенности реализации общероссийской выборки труднодоступного населения по мобильным телефонам" (2013 г.). Четвертую позицию в этом почетном списке занимает статья Рогозина "Постпросмотровый синдром" (2012 г.), а десятое — его же материал "Оценка погружения в кинопросмотр: "Добро пожаловать в Зомбилэнд"" (2011 г.). Добавлю, никто из авторов журнала — кроме Рогозина — не упоминается в этой таблице более одного раза, таким образом, можно утверждать, что направления исследований Дмитрия Рогозина, проведенных им в последние годы, вызывают интерес читателей "Телескопа".

Теперь многим представляется возможность познакомиться с Рогозиным ближе, узнать заметные точки траектории его жизни, его путь вхождения в социологию, особенности его работы. Скажу сразу, к настоящему моменту мною завершено свыше 120 биографических интервью, но со столь "лихо закрученным" рассказом о прожитом я встречаюсь впервые. И дело не только в прожитом и продуманном, но и в откровенности повествования. Благодаря поддержке редактора журнала Михаила Илле, настоящий текст — значительно объемнее обычных.

— Дима, в краткой информации о Вас на сайте "Шанники" отмечено, что Вы закончили Красноярский государственный университет. Вы и родом из Красноярска, и родители "тамошние" или жизнь их забросила туда? Мое и старшие поколения мало знали о своих предках, эту информацию часто вынуждены были скрывать в семьях. А Вы насколько знаете прошлое Вашей семьи?

— Я не из Красноярска. Учился там и провел один год, уже потом, в период своего "безвременья". А когда поступал, для меня и город этот существовал только на карте. Выбирал между Красноярском, Новосибирском и Москвой. Абсолютно тогда не чувствуя и не понимая разницы. Это были лишь названия, далекие, непонятные и абсолютно чужие города.

Родился в маленьком шахтерском городке на юге, тогда, Красноярского края, теперь Автономной республики Хакасия, в Абазе. На Северном Кавказе есть национальность абазин, но это не имеет никакого отношения к моему родному городу. Его название образовалось весьма прозаично, если не сказать индустриально. Это сокращение от предприятия, стоящего на реке Абакан, -Абаканский завод, то есть рудник и фабрика по добыче и обогащению железной руды.

Мне трудно говорить, откуда мои родители. Судьба рода глубоко трагична. И эта трагедия как-то укоренена в семье, существует не раздельно ни от родителей, ни от меня, как это может показаться не странным.

Отец остался сиротой в 11 лет сразу после войны в 1946. Родные братья и сестры умерли от тифа, последней ушла его мама. Дед по отцу пропал без вести в 1941. От него ничего кроме повестки из военкомата не осталось. А до этого была высылка в Сибирь. Во время продразверстки их, вместе с сотнями других семей, просто погрузили в теплушки и через несколько дней пути выгрузили на полустанке под Юргой, а потом еще долго конвоировали, до пустого болотного места с парой раз-

Как правило, в публикуемом тексте интервью — 40000 — 80000 знаков, в данном случае — около 100000 знаков, т.е. 2,5 авторских листа. Но... его полный объем — без малого 500000 знаков, или 12,5 авторских листов. Наше интервью проходило с февраля 2014 по январь текущего года, и при этом у нас были достаточно продолжительные перерывы.

Безусловно, человек, пишущий мало, медленно, скованный в работе над текстом, никогда не расскажет о себе столь обстоятельно и интересно, даже в более продолжительное время. Тем более, если ему лишь три года назад исполнилось 40 лет. В чем же я вижу главную причину (не секрет) появления столь необычного биографического произведения? Мне кажется, что она отражена в заголовке полного текста интервью с Рогозиным: "Я выбирал не профессию, а просто жизнь"¹. Другими словами, в определенный момент поиска Дмитрием себя собственно жизненное и проступавшее контурно профессиональное соединились неразрывно.

Не буду описывать, как это произошло, но замечу, что переломной точкой, а точнее — точкой синтеза, стала его встреча с Геннадием Семеновичем Батыгиным, ставшим для него Учителем жизни и отношения к профессии. В этом суть заголовка публикуемого интервью — "Быть рядом с наставником...".

Борис Докторов

валившихся домов. Они были просто зажиточными крестьянами в Ярославской губернии. Жили в деревне Даниловка. Было несколько коров, два двора, большая семья, полдеревни родственников. Но в памяти отца остался лишь голод, холод, болота, мошка и болезни. Была лишь борьба за выживание, которая заключалась в том, чтобы в начале всё забыть, потом прекратить общаться с кем-либо, имеющим отношение к власти. На всякий случай, чтобы чего не случилось. У отца была родная тётя по маме, которая прошла всю войну, в наградах. У нас даже где-то была старая фронтальная фотокарточка. Но когда умерла мама, отец писал ей, пытался разыскать, как это мог сделать ребёнок. Она не ответила. Воспитывался у соседей, стариков, на глазах которых умирала семья. Потом уже, через десять лет, тётя что-то написала, но отец вспылал: не ответил и постарался забыть всё, что было с ней связано. Так и оборвалась последняя нить с его семьей. В Абазу отец попал после распределения. Он закончил горный техникум в Томске, и потом всю жизнь про-

¹ Дивисенко К. Интернет-аудитория сайта журнала "Телескоп" в 2014 году // "Телескоп". 2015, №1. С. 46-47.

² Рогозин Д.М. Автобиографические размышления: "Я выбирал не профессию, а просто жизнь" http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=208&id=135

работал маркшейдером в абазинской шахте. Непозволительно редко я с ними общаюсь. Надо сейчас позвонить...

По линии мамы об отце (для меня деде) так же почти ничего не известно. Иван Алексеевич Казаковцев, 1917 года рождения. Работал директором деревенской семилетней школы в Тулате, Чарышского района Алтайского края, офицер в запасе. Погиб 9 января 1942 года. Призвали ещё до Великой Отечественной, в феврале 1940 года. У бабушки тут же закрутилась любовь с другим мужчиной, Дмитрием Васильевичем Стрельцовым, и об отце мамы она уже ничего не рассказывала. Отчима так же вскоре призвали на фронт и, практически, в первые же месяцы после призыва он погиб. От него в августе 1941 родился брат (дядя Володя). Бабушка вскоре сошлась с другим мужчиной, с которым и прожила уже всю жизнь. Второй отчим, Игорь Георгиевич Николаев (1922 г.р.), маму частенько бил и относился как к падчерице в народных сказках. Хотя там всё не просто. Он был директором школы, тыловым офицером. Крепко пил. Мама его сильно боялась. Ну а на бабушку у неё на всю жизнь осталась обида за отца, который был быстро забыт. Дед Игорь потом мне много рассказывал о подготовке офицеров перед отправкой на фронт. Всю войну прослужил в военном училище. Рассказывал с юмором, весело, но в голосе я всегда чувствовал эту горечь вины за жизнь, проведенную в тылу. О семье мамино отца ничего не известно.

С бабушкиной линией всё ещё хуже. Мамина мама, Валентина Дмитриевна Третьякова (1918 г.р.) была младшей, восьмой в семье. Отец, по её словам, купец первой гильдии, жил где-то на Урале под Нижним Тагилом в огромном особняке. Все сыновья получили высшее образование в Питере, служили в царской армии. Она не успела выучиться. Времена были уже не те. Дед был очень крепким и смекалистым. Глава семьи. Когда успехи большевиков были уже неотвратимы, в середине 1920-х, он нашёл единственного сына. Трое других и жена к тому времени погибли. Поехал в неизвестные края, в Сибирь, чтобы полностью отрезать прошлое. Так они поселились в Таштыпе (районный центр, в 30 км. от Абазы). Поскольку оба были грамотные, не удержались и быстро вышли в начальство. Когда отец или сын, этого я не знаю, занял какую-то должность в руководстве района, в органы пришли бумаги о их прошлом. Сына, деда Степана, арестовали и тут же, за несколько дней, расстреляли. Отец вновь бежал. И вот здесь разыгралась самая большая трагедия, о которой даже мне, знавшему всё только по рассказам, вспоминать не легко. Отец приходил к своей дочери (бабе Вале), но она не приняла его. Более того, чтобы выжить, она публично отказалась от отца. Была такая форма реабилитации себя перед Советской властью — дети за отцов не отвечают. Страх в бабушкиных глазах я потом видел всегда, когда речь заходила о прошлом. Она ничего никогда никому не рассказывала, как будто прошлого просто нет, нет ни семьи, ни родственников, ни истории. Эти скудные рассказы я услышал от тётки, Галины Степановны Третьяковой, (когда она ещё была жива, умерла от рака в 1990-е), дочери от брака с тем самым поехавшим в Сибирь дедом Степаном. Она была ещё девочкой, когда к ним постучал грязный, измотанный, со включенной бородой дед. Очень удивилась, когда её мама (они жили вдвоем и своего отца практически не видела в жизни) не просто тепло, но со слезами приняла старика. Ещё больше она удивилась, когда старик в знак благодарности подарил им большие золотые часы с царской гравировкой. Почти сразу они были обменены на еду, но память о какой-то несурзаце: больном, измождённом старике, в язвах и обморожениях, но подарившим невиданные часы, и маме, вдруг изменившейся, и начавшей говорить на французском, осталась на всю жизнь.

Я родился в Сибири. Это моя Родина, но никогда не покидало ощущение ссылки, неприкаянности на этой земле. Насколько я люблю Саяны, горные хребты, бурные, с фантастической энергетикой реки (город стоит на реке Абакан, в переводе с хакасского — Медвежья кровь), кедрачи и болота из мха и

черники в высокогорье, настолько мне чужды какие-либо социальные отношения, люди, стремящиеся хотя бы к маленькой, но власти, тогда, в детстве, в пионерах или комсомоле, теперь — к местной администрации или муниципальному управлению. Власть, во всех её проявлениях, генетически, вызывает отчуждение и неприязнь. Помню, мальчишкой, лет десяти, как-то радостно объявил отцу, что хочу быть милиционером. На что тихим голосом получил ответ: "не надо, держись от них подальше". И это нечто другое, отличное от протестной деятельности, но более глубокое, фундаментальное. С властью не нужно бороться ни силой или, напротив, подражая толстовцам, несопротивлением. Её просто надо исключить из жизни, без каких-либо компромиссов и оговорок. Власть просто нет в жизненном мире таких людей, она слишком кровава, бесчеловечна, чудовищна, какой бы не была. Поэтому мне как-то неловко было слышать о левадовской формуле простого советского человека с его двойной моралью. Смущала линейность интерпретации. Может и так. Но как-то не вяжется это с личным опытом и общением с людьми, сознательно отказавшимся от публичности и какого-либо участия, как сейчас бы сказали, в гражданском обществе. Слишком много в их жизни индивидуального и трагичного, чтобы её можно было объяснить простыми формулами, приписав ту или иную объединяющую позицию.

— **Посмотрел я на карте Хакассии Ваш городок Абазу, посмотрел фотографии, почитал написанное о нем. Невелик город, население — 16000 человек и красивейшие виды дикой природы. Как, какой Вам оттуда представлялась жизнь в больших городах, о чем говорили, думали старшекласники в разговорах о будущем? По каким местам разезжались? О чем Вы думали?**

— Никак не представлялась. Большие города были для меня чем-то абстрактным, отчасти вымышленным и абсолютно не интересным, чтобы ещё о них размышлять. "Люди загнали себя в многоэтажные скворечники и еще умудряются гордиться своим чириканием", — как-то сказал дед Игоря Быкова, моего друга детства. Очень точное отражение моего представления о горожанах на тот момент. Я лишь однажды выезжал далеко из дома в большой город с тёткой Галей (младшей сестрой мамы) и её сыном Мишкой, в классе восьмом. Это была поездка в Питер. Конечно, был поражён позолотой дворцов, решёткой и фигурами Летнего сада, бесконечными коридорами Эрмитажа, соборами, скульптурными композициями, мостами, кунсткамерой, да много еще чем, открытым для туриста, не слишком стесненного во времени. Но ближе мне оказались пригороды. Даже Петродворец с его нарочитой роскошью уже самим фактом удаления от городских кварталов был близким. Я не говорю уже о Пушкине, Царском селе или Павловске. Здесь в слегка запущенных парках я уже был как дома.

Тогда уже столкнулся и как-то проговорил про себя странную доминанту в описании детства и отрочества как подготовительных периодов к чему-то большому и важному. Эти расхожие штампы о том, что вот у тебя в шесть, десять, пятнадцать лет и проблем то нет, а всё что от тебя требуется — это подготовка к взрослой жизни, казались мне полнейшей чепухой. В общем-то, я и сейчас не переменяю мнение. Моя жизнь в эти годы была настолько насыщенной и полной, по-своему драматичной, что проходящие события поглощали полностью, буквально, блокировали какие-либо мечты о будущем. Единственное, что я точно знал тогда, что после окончания школы будет новая жизнь. Но, как говорится, будет и будет, поживём — увидим. В старших классах доминантами размышлений были темы не будущего, а скорее чего-то вечного и неизменного (здесь надо было бы поставить смайлик): добра и зла, смысла жизни, других миров, дружбы и т.д. Мы часами могли говорить об этом. Это было время, когда вопросы вроде "в чём смысл жизни" казались естественными и вполне обыденными. А поводами были как события вокруг, так и прочитанные книги, в основ-

ном русская классика: Толстой, Достоевский, Тургенев, Аксаков, Гоголь и т.д. Из современников я увлекался сибирскими авторами, прежде всего, Федосеевым, Астафьевым и Распутиным. Ну и безусловно на волне перестройки взахлёб читались толстые журналы с их "Детьми Арбата", "Белыми одеждами", "Чевенгуром" и т.д. Я выписывал "Новый мир", мой друг — "Дружбу Народов", кто-то из класса "Неву" и "Звезду" и т.д. В общем охватывали весь спектр. В старших классах организовали даже у себя внеклассные чтения, на которых после уроков вслух читали романы и повести, только что появившиеся в открытой печати. Потом, встретившись через много лет, учительница русского языка и литературы, Людмила Ивановна Куклина, говорила, что в её жизни такого никогда, ни с одним классом больше не было. Помню, когда закончили читать "Ночевала тучка золотая" Приставкина, почти всем классом пошли в булочную у хлебозавода. Такого вкусного горячего чёрного хлеба я никогда больше не едал.

— Из рассказанного Вами, Дима, вырисовываются три примерно равной вероятности пути, по которым Вы могли двигаться после школы. Первый, получить профессию, нужную в Абазе, отслужить армию, жениться и жить в общем понятно как. Второй, время было подходящее, — примкнуть к лихим ребятам, а там — как получится. И третий — продолжить учебу, начать осваивать нечто известное лишь по книгам и ТВ. Как случилось, что Вы избрали "третий путь"? Кто-то подсказал или само "посложилось"?

— Любопытно, что тогда в 1989, когда, казалось бы, делался выбор, я навряд ли мог сказать о том, к чему это может привести. Переезд, другой социальный статус, другие условия не достаточны для этого. Сейчас вспоминается цепочка внешне разрозненных событий, рассматривая которые уже на значительной дистанции, можно говорить о радикальных переменах.

Во-первых, если упоминать о склонностях, то единственная профессия, которая мне представлялась тогда достойной, — это геолог. Возможно, моё поколение захватило последнюю, на излёте, романтизацию дальних походов, ночёвок у костра, жизни в дикой природе... В тайге я ощущал себя человеком, этот мир был близок, понятен, увлекал своим неповторимым величием и торжественностью. Но к нам в школу приехал агитатор из какого-то геологического факультета. Я послушал что и как он говорит, задал несколько вопросов... И, как отрезало, расхотел учиться в таком месте, а заодно и по такой специальности. Весьма странное, предельно эмоциональное решение.

Поскольку для меня не было разницы, в каком городе учиться, выбрал Красноярск (как ближайший крупный город, плюс к тому, там проживали две моих тётки), а в нём самый престижный вуз, самый престижный на тот момент факультет и самую престижную специальность. В 1989 году это был Красноярский государственный университет, экономический факультет, специальность — экономика и социология труда. Руководствовался лишь одним: если учиться, то у самых лучших. Не знаю, откуда была такая уверенность, что лучшее измеряется проходным баллом и количеством желающих поступить, но слов из песни не выкинешь.

Я не могу назвать это решение конъюнктурным, поскольку разыгравшаяся во время поступления "комедия" как-то не укладывается со стремлением сделать карьеру. Проходной балл был девять. Нужно было сдать на оценку письменно математику, устно — историю, и написать на зачёт на заданную тему сочинение. Историю я сдал на пять. А вот в математике был не слишком силён, да к тому же как-то доверчиво воспринял уверения на консультации, что нужно обязательно всё писать на черновиках, поскольку они так же рассматриваются в качестве отчетной документации. Всего было пять заданий. Одно я сделал в двух вариантах, причём сходу не мог разобраться какой из них правильный. Один оставил в черновике, дополни-

тельно переписав, второй — в чистовике. Расчёт был в том, что с вероятностью 50% я должен попасть, а при плохом исходе, черновик даст хотя бы один-два балла (каждое задание оценивалось предварительно по пятибалльной шкале, потом считалась среднее). В общем, я не додумал или не угадал. В черновике было правильное решение, но за эту задачу я получил ноль баллов. На апелляции, пытался доказать, что раз в черновике есть решение, и оно правильное, можно хоть как-то оценить задачу. Тогда выяснилось, что получи я за эту задачу всего один балл из пяти, итоговая была бы четверка. Но экзаменатор был непреклонен, сказав, что про черновик я несу какую-то чушь, и никто в экзаменационной комиссии не мог такое говорить. В итоге, набрав восемь баллов (три по математике), я попал в категорию "полупроходников". Надо сказать, что со всем юношеским максимализмом эту ситуацию я воспринял как чудовищную несправедливость, хотя сейчас она мне представляется вполне рядовой. Проходные девять баллов были только на выбранной мной специальности. На бухгалтерском учете проходной был восемь, а на финансах и кредите и того меньше — семь.

Таких как я набралось человек двадцать и нас попросили приехать в деканат после прохождения всех вступительных испытаний. Когда меня вызвали в кабинет, я увидел длинный Т-образный стол. Во главе — декан, по краям преподаватели, потом я уже узнал в них заведующих кафедр. С важным лицом, перелистывая мои бумаги, председательствующий сказал, что видит во мне способного парня, уверен, что я вполне смогу успешно учиться, и поскольку я не прохожу на выбранную специальность, то в качестве исключения они могут мне предложить одну из тех (бухгалтерский учет или финансы и кредит), на которые у меня хватает баллов и, соответственно, зачислить. Какое же было удивление комиссии, когда на эту речь я ответил, что не хочу учиться на этих специальностях. "Вы что в армию собрались?", — спросил меня кто-то. "Лучше в армию, чем бухгалтером". Вот такой предельный максимализм. Я помню, что комиссию эти слова ввели в шок. Это на фоне слёз и уговоров родителей других и прочей истерии, обычно сопутствующей поступлению. Декан попросил меня выйти и хорошенько подумать, прежде чем принимать такие решения. Я вышел и, ни минуты не медля, уехал из университета. Через несколько дней приехал за документами. В голове уже были мысли о работе фотокором в газете или, если не возьмут, службе в армии, а потом вновь поступление на этот же факультет. Девочка очень долго не могла найти мои документы, даже успела перепугаться, не потерялись ли они. А потом, заглянув в другой ящик, сообщила, что я поступил на выбранную первоначально специальность. Сказать, что я был шокирован — ничего не сказать. Целый день бродил по городу, глупо улыбаясь и ничего не понимая. Так я стал студентом. Но на этом не закончился радикализм решений. Сейчас, задним числом, всё это могу назвать лишь глупостью, бравадой. Но именно эти глупости определили мою последующую студенческую жизнь, которая, как и школьная, была во многом лишь номинально студенческой.

Второе событие, или лучше сказать решение — это отказ от родительской помощи, категоричный, наотмашь. Родители вначале восприняли это как нелепицу, плохую шутку. Несколько раз присылали деньги переводом. Я брал ровно столько, чтобы оплатить обратный перевод и пересылал деньги назад. Первый год сильно голодал, во второй — умудрился заболеть цингой. Один раз за первые полгода позволил себе сразу выпить литр молока и съесть булку хлеба. Мгновенное опьянение и ощущение сытости на два дня. Когда после первой сессии приехал домой и зашёл в квартиру (у нас дверь всегда была открытой), мама удивленно спросила: "Вам кого, молодой человек?" А когда я заговорил, заплакала и кинулась обнимать. К слову, она дважды меня не узнавала, но второй раз был уже намного позже. Потом всё пошло легче. Работал грузчиком и стоюлом в разных местах. О своих приключениях, встречах с

удивительными людьми, среди которых были и гении, и злодеи многое могу рассказать. Часто и много ездил, просто бросая все, залезая "зайцем" в поезда, на попутках, пешком. Один раз чуть не улетел "зайцем" на самолете, прошмыгнув все контроли. Сняли меня уже с борта, обратив внимание, видимо, на слишком растрепанный вид. На первом курсе купил себе фуфайку (телогрейку ватную, если следовать словарю) и кирзовые сапоги. Всем представился Ваней, и даже в контрольных ведомостях у преподавателей проходил, как Иван Рогозин. Однокурсники меня видели редко и только ко второму курсу узнали, что это не моё настоящее имя. В общем, чудил так, что мало не покажется. Сейчас это поведение не могу ничем объяснить, тем более никак не могу вписать в стремление что-то узнать, или что-то увидеть новое. Тогда я просто яростно боролся за жизнь, и это приводило к какой-то странной эйфории. Я чувствовал, что живу на грани, но по-другому тогда не мог. Мне это было нужно. Зачем? Сейчас теряюсь в догадках. Если бы меня в тот период показали психиатру, наверняка бы поставили какой-нибудь соответствующий диагноз.

Тогда же на первом курсе сформулировал свою программу по оценкам. Во-первых, в зимние сессии мне нужны были только пятёрки, чтобы получать повышенную стипендию, в летние — я мог позволить четверки, там важнее — быстрее уехать домой. Во-вторых, в любом случае, все сессии нужно сдавать досрочно. Потом уже через год, это привело к удивлявшей поначалу всех преподавателей стратегии. На первом же занятии я подходил к лектору и спрашивал: "Что мне нужно сделать, чтобы через две недели получить пятёрку по вашему курсу?" Заполняя неизменно образовывавшуюся паузу, я добавлял, что не прошу оценки, а всего лишь хочу прямо сейчас точно знать, какие содержательные требования, я должен выполнить, чтобы получить оценку. Не могу сказать, что я заканчивал обучение через неделю или даже через месяц, но большинство предметов сдавал досрочно, а те один — два, на которые все же надо было идти на экзамен или зачёт, я шёл с другими группами, которые сдавали раньше. В-третьих, при желательном тогда регулярном посещении, на многих предметах с отмечанием активности, я выбрал стратегию редкого посещения (надо было либо работать, либо тянуло скитаться по стране). Но если я был на занятии, я должен был показать максимальный результат. Каждая пара, на которую приходил, равнялась короткой дистанции, на которой выкладывался, дабы создать впечатление, доказать своё понимание предмета. Не удивительно, что когда мне вручали красный диплом, одногруппники не поверили своим глазам. Меня редко видели на занятиях и почти никогда — на экзаменах. Такая стратегия не была рассчитана на знания: я редко бывал в библиотеке, не старался вникнуть в тонкости логических заключений, не продолжал изучать то, что формально считалось пройденным. Но она оказалась весьма эффективной для продолжения обучения, с моими перепадами настроения и многодневным отсутствием не только в университете, но и в городе.

— Был ли у Вас курс общей социологии?

— Социология у нас имела статус философии в каком-нибудь заштатном техническом вузе. Одним словом, никакой. В программе было один или два курса, но не только названия в памяти не остались, но и само слово "социология" настолько не вязалось с полученным образованием, что, когда поступал в Шанинку, даже не вспомнил, что выбрал когда-то схожую дисциплину. Социология для меня началась лишь в Москве. Хотя в Красноярске был один скорее забавный эпизод, связанный номинально с социологией. По одноименному курсу преподаватель попросил студентов поучаствовать в студенческой конференции, написав тезисы на любую из тем, затрагиваемых в курсе. Я ради шутки, взял у товарища словарь по психологии и, полистав, остановился на статье о пирамиде Маслоу. Потратив не более часа и согласовав разные статьи из этого же словаря, написал небольшой залихватский текст. Выступление оказалось одним из лучших, и я даже получил какой-то поощри-

тельный приз. Но от всей авантюры осталось лишь недоумение. Что это за наука такая, если пара часов работы со словариком, позволяет тебе "блистать" на конференции?

— И все же. Университет завершен, даже с отличием. На рынке труда — колоссальная потребность в специалистах Вашего профиля. Получили ли Вы распределение или этой практики уже не существовало? Что Вы сами предприняли?

— Распределение осталось в прошлом, но в нём и не было необходимости. Выпускники выбирали из множества альтернатив, и я не был исключением. Сразу после защиты диплома, на третьем этаже нашего "колодца" (здание университета спроектировано как три больших полых внутри куба) ко мне последовательно, с разницей в несколько минут, подошли три человека: заместитель председателя правления небольшого, но тогда стремительно развивающегося коммерческого банка (КБ "Стромкомбанк"), директор крупнейшего в Сибирском и Дальневосточном регионах проектного института (Красноярский ПромстройНИИпроект) и наш декан. Во-первых, мне предложили сформировать и возглавить аналитический отдел в банке, занимающийся вопросами организационного и стратегического развития. В качестве бонусов прилагались высокая заработная плата и возможность сразу участвовать в принятии решений на уровне высшего руководства. Во-вторых, должность заместителя директора по маркетингу с небольшой (относительно банка) зарплатой, но предоставлением квартиры, практически, в центре города, которую через год-два можно было выкупить в собственность по остаточной стоимости, и полном карт-бланш в разработке и реализации стратегии развития института. В-третьих, предложили поехать поступать в аспирантуру экономфака МГУ, снабдив всеми необходимыми рекомендациями. У нашего факультета, представленного в основном прекрасной половиной, были очень хорошие отношения с тогда гремевшей на всю страну трицей ведущих экономистов в области организационного и стратегического управления: Олегом Самуиловичем Виханским, Александром Ивановичем Наумовым и Вадимом Ивановичем Маршевым. На них, буквально, смотрели как на живых классиков управленческой науки. В основном занимаясь переводами зарубежных работ, они говорили на новом для многих тогда языке, задавали тон дискуссиям, определяли актуальность исследовательских вопросов. Я выбрал третий вариант.

— Хорошо, и Вы добрались до МГУ и начали учиться в аспирантуре или не совсем? Честно, не знаю, чего ожидать....

— Я не поехал в МГУ, причем дважды. В начале, в спешке собирал документы в аспирантуру. Помню, как обычно, в те годы всё откладывал на последний момент. Не успевал и пришлось разбросать свой диплом (набирал его на пишущей машинке, поэтому копий не было) и из отдельных его частей собрать реферат для поступления... Второй раз, уже через полгода, на экономическом факультете для меня открыли ставку стажёра-исследователя. Разразился форменный скандал на факультете, когда пришла телеграмма на имя ректора, что из-за разгильдяйства персонала нашего экономфака простаивает ставка. Меня вызвала к себе декан и просто развела руками. Она разговаривала по телефону с Виханским (на тот момент заведующим кафедры управления) и тот уже поведал, каких трудов стоило получить эту ставку, которой не было на кафедре лет десять или пятнадцать. Они, конечно, на неё возьмут кого-нибудь, но со стороны нашего факультета, инициировавшего всю эту беготню, данная ситуация — просто свинство.

Причина состояла в том, что в июне или июле, через месяц после окончания университета, я потерял паспорт. Возможно, живи я в своём городе, это было бы не столь критичным. Но тогда, у меня была лишь временная прописка, и она кончилась как раз в месяц потери документа. Плюс к тому (это я уже узнал через несколько месяцев) в момент пересылки моих докумен-

тов из Абазы в Красноярск, они затерялись в дороге. Почти еженедельно я приходил в паспортный стол узнавать ситуацию, отстаивал очередь, иногда большую, иногда всего из двух или трёх человек. Потом на меня смотрела пустыми, равнодушными глазами паспортистка, которую я видел в сотый раз. Называл фамилию. Она перебирала папки... И начинала улыбаться в документы, поднимала на меня глаза и с улыбкой здоровалась. Каждый раз это производило неизгладимый эффект. Потом я привык и молча ждал, пока отыщется моя папка, чтобы начать улыбаться самому и сказать: "Здравствуйте". Разговор, как правило, был коротким и заканчивался предложением подойти через неделю или позвонить. Поскольку телефона у меня не было, а задавать такие вопросы в присутствии кого-то ещё не хотелось, посещение паспортного стола у меня переросло в своеобразный ритуал. Лишь однажды, видимо находясь в лирическом настроении, она позволила себе немного порассуждать: "Понимаете, Вас просто нет. Вы не существуете". Она улыбалась и смотрела мне прямо в глаза: "На Вас нет никаких документов. Я, конечно, Вам верю, Вашей справке из университета, но это может быть и фикцией. Может быть, вы всё придумали. Посмотрите, нигде ничего нет". Тогда я читал и перечитывал Кафку. Это спасало от безумия. Удивительно, но то, что было описано в "Процессе" в точности, до мельчайших деталей соответствовало моей жизни. Это позволяло отстраниться, смотреть на свои мытарства со стороны и даже иронизировать над сложившейся ситуацией.

В деканате пошли мне навстречу и взяли уже в родной университет стажёром-исследователем, с условием, что когда я разрешу свою "идиотскую" ситуацию, отправлюсь в Москву. Так возникла идея о стажировке в МГУ до следующего поступления в аспирантуру. Но я вновь не смог поехать — паспорта на руках не было и на следующий год. Работал в приёмной комиссии летом, в сентябре ездил с первым курсом в колхоз. Поскольку я вот-вот должен был уехать, нагрузку мне никакую не назначили. Я лишь числился в университете, с которым меня фактически связывали лишь разговоры с Натальей Григорьевной Макухой, одним из лучших преподавателей в университете и моим ангелом хранителем на факультете, посвящённые обсуждению очередных бизнес-проектов.

— Похоже, мои ожидания неожиданности были верными... это в каком году Вы окончили университет и когда ситуация неопределённости сменилась какой-либо стабильностью?

— Университет я закончил в 1994. Паспорт смог получить только через два с половиной года, в конце 1996. И то не получил, а буквально сделал вместе с "сердобольными" сотрудниками паспортной службы. Это была уже Находка, Приморского края, а вся история сопровождалась особыми договоренностями. Как я попал в Находку и что там делал — долгий разговор, оставлю для другого, развернутого текста... Поскольку всех документов не было, нужно было какие-то составлять самостоятельно. Так я столкнулся с удивительным миром документарного оформления мужской особи в нашей стране. Какие-то многочисленные справки, анкеты родителей с их подписями, результаты промежуточных медкомиссий, заключения из средней школы, справки, характеристики... Всё это было нужно для правильного оформления и выдачи "пурпурной книжицы". Большинство документов я составлял сам, заполняя необходимые поля в бланках, что-то придумывая на ходу, подписываясь за нужных людей. Не обошлось и без казусов. Видимо, не разобрав мой почерк, паспортистка вписала в документы место моего жительства как город Абаза ТаштыНского района. Правильно район пишется через букву "п" — ТаштыПский. Когда уже в Москве, спустя несколько лет, я менял паспорт, то попросил исправить в документе неточность, на что умудренная опытом женщина с гневом посмотрела: "Вы что, молодой человек, ослепли? Раз в документе написано ТаштыНский, значит ТаштыНский. И не надо нам вашей самодеятельности". Вот так. С тех

пор и живу с местом рождения в несуществующем районе, везде в документах подписывая "правильно", через букву "Н". Уже тогда подумал, насколько же я был свободен в полной смене своей биографии и гражданской идентичности...

Мы сейчас подошли к третьему весьма насыщенному этапу в моей жизни. Я бы даже сказал не этапу, а целой жизни, поскольку сейчас, вспоминая то время, с трудом могу представить, что это происходило со мной. Слишком приключенческим, до гротеска, сложился этот кусок биографии. По времени он начался где-то с февраля 1995 года и закончился моим приземлением в Москве и поступлением в Шанинку, летом 1999. Каких-то четыре с половиной года тотальной партизанщины. И хотя полного комплекта документов у меня не было гораздо дольше, но до и после этих дат, жизнь была намного менее динамичной и непредсказуемой.

— Чем вообще Вы занимались в Москве четыре года? Каким образом на Вашем пути оказалась Шанинка? Что исходно Вас в ней заинтересовало? Какой оказалась реальность....

— Тот период был настолько насыщенным событиями, что я невольно скомкал рассказ. В Москве я оказался только через несколько лет. До этого жил почти год в Находке, потом вернулся в Красноярск. И только с 1997 года я оказался в Москве, да и то номинально, поскольку всё время проводил в переездах и гостиницах. Шанинка — совсем из другого мира, из другой жизни. Она как бы замкнула круг моих безумных, волюнтаристских скитаний... Позвольте вернуться к хронологическому порядку изложения, иначе нагромождения фактов и событий окончательно нас запутает.

После многих приключений в начале 1996 я вернулся в Красноярск, где продолжил работу в ПромстройНИИпроекте, но дела там как-то не заладились. Спасибо директору, он помог первое время с жильём, однако уже задач по реорганизации института не стояло. В институте вышел занятный казус с записью в трудовой. В отделе кадров придумал себе короткую, но ёмкую должность — "методолог". Устраивался я на три месяца по контракту (прописка была не местная). Мне покивали, но когда забирал трудовую книжку, обнаружил, что вместо "методолог", вписана более скромная позиция "методист". С тех пор предпочитаю только так именоваться, и всячески избегаю людей, называющих себя методологами. В России это слово давно стало "амёбным" и под ним зачастую подразумевается весьма отвлеченная от методологии самоидентификация.

После этого контракта устроился на работу в Российско-американский центр поддержки малого предпринимательства, созданный как совместный проект Красноярского и Вашингтонского университетов. С этого момента я уже работал без трудовой и последующая запись в ней появилась только в 2002 году. Миссия центра заключалась в консультационной поддержке предпринимателей, только начинающих свой бизнес. Американцы организовали систему обучения и сертификации консультантов, но, пожалуй, самым ценным для меня оказалась небольшая библиотека, которую составили мануалы по организации разного рода бизнесов. Я такого ещё не видел. Самые незначительные начинания описывались с полной детализацией: как организовать продажу машин, наладить поставку запчастей и ремонт автомобилей, создать семейный ресторанчик, фирму по мойке окон и т.д., и т.п. Материалы были структурированы по типу классического бизнес плана, но с более детальной разбивкой и пошаговыми инструкциями, как и что делать. Для получения сертификата консультанта и в качестве эксперимента, выполняя предписания одного из таких сборников, я организовал продажу цветов в ресторанах (именно этой опции было посвящено 300-х страничное издание). На волне первых цветочных авантюр, мы создали Красноярскую ассоциацию молодых предпринимателей, в задачи которой и входила поддержка и развитие молодежных инициатив в бизнес сфере. В общем, мало помалу оживал и включался в работу.

В это время в Красноярск приехали консультанты американской консалтинговой компании "Cagana Corporation", точнее её московского офиса. Они проводили тренинги по финансовому менеджменту и предложили в качестве стажировки поучаствовать в двухнедельной работе в Новосибирском оловокомбинате. Я поехал. Разбирался с балансами, отчетами о прибылях и убытках, пытался строить какие-то зависимости. Позднее, через пару месяцев, оказался на несколько дней в Москве на конференции по управлению. Неожиданно мне позвонила одна из участниц работы в Новосибирске и сказала, что в "Каране" есть вакансия консультанта, и я могу подъехать на собеседование и сдать экзамен.

Пройдя все испытания, получил должность консультанта и, практически, через неделю переехал в Москву. Хотя в "Каране" работали в основном приезжие, небольшой налёт московского снобизма всё же присутствовал. Когда брали на работу, уточнили какой вуз заканчивал: "Высшее, экономический Красноярского университета, понятно, с натяжкой можно записать бакалавром". Или как-то московская коллега совершенно искренне обернувшись к нам проговорила: "Надо же, толковый парень... хотя и из Саратова". Но именно это и мешало москвичам быстро расти в компании. Изначально высокие ожидания и неготовность идти на любые компромиссы, создавали для нас дополнительные конкурентные преимущества.

Так начался самый мобильный период моей профессиональной карьеры. Жилья поначалу не было, но я и не стремился его снимать, поскольку компания оплачивала проживание в гостиницах. С каким-то маниакальным азартом я менял одну гостиницу за другой, останавливаясь не более чем на три — четыре дня. Более всего нравилось жить в старой, неотреставрированной части гостиницы "Москва" на Манежке. Было что-то чертовски привлекательное в скрипучих паркетных полах, старой мебели, двустворчатых дверях...

Через какое-то время я понял, что надо серьезно учиться, и, в конце концов, остановился на бизнес-школе в Питере — ЛЭТИ-Лованиум. Обучение годичное, читалось всё на английском зарубежными преподавателями, стоило чуть более четырех тысяч долларов. Поехал, сдал экзамены и уже начал заключать договор, но споткнулся на одном пункте. Наша российская администрация установила свою форму расчёта, согласно которой, если рубль будет продолжать падать, то стоимость обучения останется неизменной, если же укрепитесь — она будет пересчитана в соответствие с курсом. Это меня тогда здорово возмутило. Планируя жить в другом городе без доходов целый год, я должен был еще заложиться на валютные риски. Сразу подписывать договор не стал. Думал.

И тут совершенно случайно наткнулся на сайт МШСЭН, Московской школы социальных и экономических наук, попростому — Шанинки. Приехал посмотреть и был так ошарашен библиотекой, что уже не думал ни о каком бизнес-образовании. Я сразу понял, что мне нужно, остро необходимо было находиться в этом месте. Вступительные испытания на бесплатное место я провалил, поскольку ничего не смыслил в социологии, но цена коммерческого поступления была вдвое ниже, чем в любой российской бизнес-школе. И хотя две тысячи долларов по тем временам были весьма приличной суммой, я уже мог достаточно уверенно планировать расходы на предстоящий год.

Коллеги на меня посмотрели как на сумасшедшего. Надо быть полным кретином, чтобы отказываться от уже приобретенных навыков и инвестировать в профессию, которая в будущем будет приносить на порядок меньше доходов. С точки зрения возврата на инвестиции, 4 тысячи долларов в бизнес-школе давали реальную отдачу, 2 тысячи в Шанинке могли рассматриваться только "утопленными" расходами. Но тогда мне были безразличны экономические доводы. Я просто хотел здесь учиться и не нуждался в каких-то дополнительных на то аргументах. И выбирал не профессию, а просто жизнь.

— ...Дима, судьба, точнее не скажешь... теперь очевидный вопрос: "Как Вы входили в этот новый мир?"

— К обучению я подошёл предельно рационально. У меня не было времени на неспешное и вдумчивое изучение материала, поэтому с первого дня стал неукоснительно придерживаться трёх правил. Во-первых, не читал ничего, что выходило за рамки предлагаемой по курсам литературы, и что рекомендовали преподаватели в ходе устных консультаций или переписки. В хэндбук (обязательном документе на всех факультетах Шанинки, регламентирующем учебный процесс) были представлены программы всех курсов, в которых по темам выделялась основная и дополнительная литература с указанием страниц. Как бы мне не хотелось, не было любопытно читать больше, как бы не увлекла книга, я останавливался и пытался понять представленный сюжет исключительно из наличного материала. Во-вторых, после каждой темы формулировал вопросы на уточнение и обязательно задавал их преподавателям или своим сокурсникам. В них я видел источник знания, не менее значимый, чем то, что получал на лекциях или прочитывал в книгах. В-третьих, я запретил себе интересоваться чем-либо ещё, кроме вопросов, разбираемых на занятиях. Со стороны это должно было смотреться диковинно. В метро, на улице, в столовой, дома, где бы то ни было, при любых обстоятельствах я обсуждал только социологические сюжеты. Здесь не было личной выдумки, озарения или безумной тяги к знаниям. Я всего лишь прагматично применил те навыки, которые были выработаны в консалтинге, когда нужно было за очень короткий срок разобраться в абсолютно чуждой и неизвестной проблематике. Отличие было лишь во времени — эксперимент, вместо нескольких недель, занял почти календарный год. Не удивительно, что интенсивное чтение литературы и многочисленное размышление вскоре позволили уже на равных с коллегами участвовать в обсуждении и порой задавать тон в тех или иных дискуссиях.

Поступая в Шанинку, мне были известны имена В.А. Ядова и Т.И. Заславской, готовясь к вступительным, познакомился с публикациями В.В. Радаева. Когда составлял программу обучения (каждый слушатель сам выбирает курсы, в то время было четыре основных и шесть по выбору из шестнадцати, если память не изменяет; сейчас основных два, что отвечает идеологии британского образования, согласно которому именно магистрант несёт ответственность за выбор специализации и набор курсов), думал, что буду изучать экономическую социологию. Но после первой лекции Г.С. Батыгина мои предварительные предпочтения, опыт перестали что-либо значить. В это трудно поверить, и я точно не смогу передать того состояния. Могу лишь сослаться на один факт. С первых же слов Геннадия Семёновича, — "глубокоуважаемые коллеги, позвольте рассказать об эпистемологии без познающего субъекта" (так он начинал все лекции на нашем курсе), — я почувствовал, что передо мной Учитель, что я готов выполнять все его поручения, следовать всему, что он скажет, готов отказаться от всего, что было до этого. Я сразу нашёл в нем своего кумира, и ни тогда, ни после, ни на один миг, не усомнился в этом. Следуя попперовской логике, я обнаружил брешь в универсальном суждении "не сотвори себе кумира" и, тем самым, сделал его более локальным и точным.

Неожиданно, разом, реализовалась давняя, ещё со школы мечта — быть рядом с наставником, которому можно служить, идеи которого можно развивать, которому можно посвятить жизнь. И в этом не было абсолютно никакой рациональности, оправдания, ограничения. Неожиданно образовались опора, объяснение, осмысление бесконечных метаний, предельная точка, к которой, как оказалось, шёл все эти годы. Социологическое знание для меня предельно личностное. Я и сейчас слышу голос Геннадия Семёновича, размеренный и чуть приглушённый, с усмешкой, разрушающей натужную серьёзность научных проблем, ставящих любого, стремящегося узнать (а не

полюбопытствовать или проявить интерес), в равную позицию, позволяющую быть собеседником и соавтором, дерзать, спрашивать, узнавать: "Наука делается на передовой, в лаборатории, младшими научными сотрудниками. Затем разворачивается эшелонированный порядок учёных званий и должностей, создающий статусные позиции: научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, главный научный сотрудник. И мы можем догадываться, что, зачастую, нет более далёкой от научной работы позиции, чем звание академика, забывшего о переднем крае, об исследовании и эксперименте". Шанинка, социология, профессия — это всё для меня Батыгин. Встреча с ним — самое важное событие моей жизни. Так много эпизодов, разговоров, переживаний связано с Геннадием Семёновичем, что свою биографию я склонен больше рассматривать как комментарий к биографии Батыгина, как эпизод, который может показать его вклад в российскую социологию, который, я убежден, — самый весомый в области методологии, и один из наиболее значимых в вопросах этики и истории социологических исследований.

С самого начала он был единственным для меня адресатом. Сейчас, казалось бы, физически это невозможно. Но, перечитывая его работы, представляя чуть ссутулившуюся фигуру в чёрном строгом френче или кожаном пиджаке, руку у бороды, ироничный, внимательный взгляд, я продолжаю этот диалог. Поэтому для начала постараюсь тезисно сформулировать главное, что стало возможным, открылось мне в этом общении с Геннадием Семёновичем, что связывает моё настоящее со стремительно отдаляющимся прошлым. Не могу поверить, что после ухода Батыгина прошло больше десяти лет.

Тот год в Шанинке был очень насыщенный, сейчас — о главных принципах научной работы по Батыгину:

Во-первых, доминанта личного знания во всём, что имеет отношение к научной работе. Красота аргумента, стройность теоретической конструкции, изящество экспериментального плана — всё это лишь вторичные признаки индивидуального, человеческого начала. Не знаю почему, но первые недели обучения я всё не мог собраться с духом и подойти к Батыгину, чтобы посоветоваться о возможной теме эссе (по курсу методологии, который он читал в Шанинке, в качестве отчетности, предполагалось сдать экзамена и написания двух эссе). Он очень много времени проводил в библиотеке: за стареньким компьютером, отвечая на почту, просматривая библиографические списки (к этому я еще вернусь), с кем-либо разговаривая. Несмотря на всю свою рациональность, я робел и откладывал разговор. Наконец, одна девушка, видя мою нерешительность, буквально подтолкнула к Батыгину: "Вот же он сидит. Подходи, так будешь вечно продумывать тему и ничего не думаешь". Я подсел с предельно открытым вопросом: "Что делать?" И Геннадий Семенович протянул только что вышедший сборник издательства Routledge о личном знании Майкла Полани. Кажется, под редакцией Агасси, но могу ошибиться. Потом в Ленинке я уже читал саму книжку Полани в переводе Лекторского. Но что было принципиальным для батыгинского стиля — это запрет на собственные интерпретации основного источника, любые импровизации со смыслами, до ознакомления с корпусом критики. Вышедшую в начале 1950 годов работу я сразу открыл через критику исследователей конца 20 века. Это стало моим вхождением в методологию. Но и сейчас вопрос о том, как возможно личностное знание и как конструируется научное мышление в социальном мире, абсолютно не приспособленном для этого, пожалуй, центральный для меня.

Во-вторых, отказ в прерогативе интереса при выборе темы. Батыгин сформулировал эту максиму весьма радикально: "если вы находитесь перед выбором любить тему или ненавидеть, лучше остановиться на ненависти, тогда у вас появится шанс не разочароваться после первых неудач и остаться с темой до-

статочное для её освоения время". Когда я начал писать второе эссе по методологии, Геннадий Семенович предложил подумать над теориями рациональности, доминирующими в научном мышлении довольно длительное время, да и сейчас занимающие не последнее место в компендиуме социальных наук. Я читал книги, статьи, много консультировался, успел написать какие-то предварительные тексты. Подходил к концу март. Я начал формировать магистерскую диссертацию, связывая её с темой рациональности, и одну из встреч, к которой я основательно подготовился, Батыгин начал словами, от которых, если сказать, что я остолбенел, — ничего не сказать: "Дмитрий Михайлович, подскажите, я в своём уме был, когда дал Вам эту тему?" Еще раз повторю, у меня уже было написано треть диссертации, я был погружен в эти вопросы с головой, и мог ожидать что угодно, только не такого начала. Удивление было настолько сильным, что я даже не нашёл, что сказать. Геннадий Семёнович продолжил: "Научным сотрудникам летать надо низко, иначе можно обгореть в стратосфере больших философских вопросов. Вот посмотрите", — и он протянул мне только что пришедший в библиотеку сборник о когнитивных подходах к тестированию опросного инструмента под редакцией Сеймура Садмена и Нормана Шварца³, — "Займитесь лучше тестированием и пилотажем анкет".

Это в разы усугубило мои растерянность, удивление, протест, нежелание поверить в происходящее. Из всех курсов Шанинки, которые я выбрал, мне не нравился только один — "Методика социальных исследований". Его читала Ольга Михайловна Маслова, в общем-то признанный специалист в России по пилотажу анкет, но, видимо, наши понятийные аппараты были сформированы в разных галактиках или обстоятельства сложились как-то не важно для понимания. После посещения её лекций и прочтения рекомендованных статей, я вынес только одно — если есть в социологии какая-то никчёмная, неуместная, идиотская область знания, так это тестирование анкет и разработка инструментария для массовых опросов. В то время для меня это был безусловный факт. Со всей прямотой я сказал об этом Геннадию Семёновичу, и вот тогда услышал эту фразу: "если вы находитесь перед выбором любить или ненавидеть предмет вашего исследования, лучше остановиться на ненависти". Это была настоящая проверка моим принципам послушания, с которыми я пришёл в Шанинку. Поддав в себе протест, закрыв глаза на формировавшиеся в течение нескольких месяцев интересы, я начал читать статьи и вникать в предмет, который вызывал у меня исключительно чувство неприятия и отвращения, в буквальном смысле этих слов. Я и сейчас не испытываю восторга, когда занимаюсь тестированием анкет, но это моя профессиональная специализация и я знаю, как это делать не мотивируя себя дополнительным интересом.

В-третьих, превознесение фальсификации (по Попперу) как основы любой, претендующей на научность авантюры. "Предельная задача научного сотрудника — опровергнуть самого себя", — любил повторять Геннадий Семёнович. Попперовский пример с наличием хотя бы одного чёрного лебедя, опровергающего суждение, что все лебеди белые и, напротив, невозможность подтвердить такое универсальное суждение любым количеством белых лебедей, постепенно сформировал привычку находится в постоянном поиске опровержений. Мне часто приходится полемизировать с коллегами, считающими себя теоретиками или практиками опросной индустрии, и чрезвычайно редко удаётся поддержать критический стиль разговора. Несмотря на то, что многие себя считают исследователями, оставившими далеко позади попперовские различия (как утратившие силу неопозитивистские догматы), на деле они остаются искушёнными педантами, защищающими собственное невежество, любыми доступными средствами (что, безусловно, не мешает им быть профессионалами в других во-

³ Answering questions: Methodology for determining cognitive and communicative processes in survey research / Ed. by N. Schwarz, S. Sudman. San Francisco: Jossey-Bass Publisher, 1996.

просах). Трудно найти научного работника, кто бы говорил об отсутствии необходимости в критическом мышлении, но ещё труднее найти того, кто пытается развивать такое мышление, защищает его от успокоительного соблазна увериться в собственном знании предмета, не прячет за фигурой критики тепличный догматизм. От искушения быть правым не спасает ни подготовка, ни опыт, ни приобретенные в исследованиях навыки и умения.

Наконец, в-четвёртых, основа социального знания — это эксперимент, проектирование, реализация и анализ которого и составляет повседневный мир научного работника. Когда в Фонде "Общественного мнения" мы проводили запись стандартизированных интервью, Батыгин подошёл и в свойственной ему манере спросил: "Дмитрий Михайлович, позвольте мне поработать у Вас интервьюером". У меня где-то сохранились записи двух интервью, которые взял Геннадий Семёнович. Можно много говорить, как делается наука, но достаточно один раз посмотреть на то, как профессор ведёт стандартизированное интервью, чтобы, во-первых, уже не испытывать сомнений в теоретичности любого самого банального обмена репликами, во-вторых, отказать в экспертизности специалистам, рассуждающим о качестве исследования, рассматривая исключительно массивы собранных данных.

Важно помнить, что производство "научных фактов" составляет не более пятой, а то и шестой части совокупного времени, которое уделяется научной работе. Основная рутина любого исследования — это составление библиографических обзоров, скрупулёзный поиск "всего, что опубликовано по выбранной тематике", который также должен выполняться в экспериментальной традиции. Лучший пример этому — трансформация библиографического обзора в систематический (к сожалению, редко практикующаяся в социальных науках).

Геннадий Семёнович вёл у нас курс библиографии в социальных науках, в котором не только транслировал принятые нормы и правила, но и рассказывал о личном опыте работы в библиотеках и архивах. Ленинка, как и многое другое, открылась мне через Батыгина. Я выделил субботы для работы в её залах и неизменно следовал одному алгоритму. Около часа разбирался с каталогами, выписывал нужные шифры. Затем, заказав в хранилище с десяток книжек, шёл в зал периодики и по каталогу заказывал свежие номера журналов. Но основной, приносящей наибольшее удовлетворение деятельностью в Ленинке, было другое. В конце первого гуманитарного зала, слева на стеллажах выставлялись коричневые Книжные летописи и голубые Летописи журнальных статей. Я часами просматривал интересующие меня рубрики и выписывал заинтересовавшие статьи. Монотонно, педантично, перелистывал страницу за страницей. Медленный монотонный темп прочтения и, вдруг, удача, неожиданно релевантная статья. Столько позитивной энергии я никогда больше не получал. Из Ленинки выходил уставшим, но одновременно полным сил, идей, с толстой тетрадкой, исписанной ссылками на новые материалы, с выписками из прочитанного. Я захватил излёт бумажных технологий. Уже через несколько лет Ленинка начала активно внедрять электронные каталоги, а Летописи изъяли из читального зала. Как-то разом надломилась привычная библиотечная повседневность. После того, как не обнаружил летописей на своих местах, так и не могу собраться в Ленинку и всё довольствуюсь электронными базами. Из моего поколения уже многим не нравятся её залы, столы, деревянные ящички каталогов, фильмотека. Коллегам казалось это чем-то навсегда утратившим смысл, пережитком советского прошлого. Мне, напротив, очень близок дух именно старой Ленинки: особый запах, щелчки от включаемых зелёных ламп, шелест страниц, шёпот переговаривающихся пар, странные персонажи в подвальной столовой... Та Ленинка — это мир научной работы, который показал мне Батыгин.

В социологии Батыгин стал для меня безусловным автори-

тетом, мнения и суждения которого формировали профессиональную идентичность. Но в Шанинке тогда работал звёздный состав, не упомянуть о котором просто нельзя. Александр Фридрихович Филиппов, Александр Олегович Крыштановский и Вадим Валерьевич Радаев читали ещё три основных курса, соответственно: историю теоретической социологии, анализ социологических данных и социальную стратификацию. Именно они воспринимались в качестве ведущих социологов, задающих тон в исследованиях. С их позицией я сопоставлял впечатления от работ других коллег. Конечно, и сейчас у меня смелое представление о российской социологии, поскольку многих русскоязычных авторов я просто не в состоянии воспринимать. Есть исключения, но это лишь единичные случаи. Видимо, реагируя на моё неприятие методики как таковой, Батыгин, после смены темы, наложил годовое вето на чтение литературы на русском языке. Как Вы уже поняли, все его слова я воспринимал буквально и следовал им безоговорочно. На русском в 2000 году ничего не читал по методике. Базовым журналом для меня стал *Public Opinion Quarterly*, а издательствами — Sage, Routledge и Wiley. Это отразилось и на дальнейших текстах, публикациях. Не случайно оппонент по кандидатской, Виктор Фёдорович Петренко, после защиты оговорился: "Такое ощущение было, что иностранец написал. Я даже в начале подумал, что плагиат, перевод с какой-нибудь работы. Очень Вы меня удивили". Но по-другому и быть не могло. Я просто не способен форматировать текст в привычных для российского диссертационного жанра блоках: предмета, объекта и метода исследования, научной новизны и апробации. Шанинка переключила внимание на другое, научила превыше всего ценить исследовательскую проблему, ухаживать за ней, и пытаться удерживать как можно дольше в нерешённом состоянии. Любое решение ошибочно, поэтому куда важнее хорошо сформулировать вопрос, нежели получить на него ответ.

— **Дима, а не вернуться ли нам на пару месяцев назад, когда я отправил Вам два последних вопроса, и на сколько-то лет назад, когда Вы защитили кандидатскую диссертацию? Во-первых, когда это произошло? Во-вторых, а что было дальше? Буду удивлен, если дальше всё шло "как у всех". Итак...**

— Защита кандидатской диссертации не стала для меня каким-то событием. Я бы скорее говорил о периоде со дня прихода в ФОМ (лето 1999), когда мы запустили методический проект, и уходом Батыгина 1 июня 2003 года.

Примерно в середине, в феврале 2002 в Институте социологии РАН прошла защита. К тому времени, было проведено уже три больших методических проекта в ФОМе, подготовлена к изданию монография, институционализована хотя бы в одной опросной компании позиция методиста. Я выполнял все необходимые для защиты формальности механически, в качестве послушания, не придавая им особого смысла. Когда уже была назначена дата, поинтересовался у Батыгина как принято себя вести, как одеваться, какие еще ритуальные действия следует предпринять. Он ответил, что вполне достаточно того, чтобы я был на месте. Поэтому я не подумал ни о подготовке к выступлению, ни к фуршету. Вместо костюма с галстуком явился в потёртых джинсах и вязаном свитере. На самой защите вёл себя вызывающе, абсолютно не вписываясь в сложившиеся традиции. Не испытывал волнения, не готовил и не зачитывал речь, не благодарил за несуразные вопросы, которых всегда хватает, одним словом, не пытался защищаться, а лишь рассказывал о результатах проделанной за два с половиной года работе.

Последней каплей для комиссии стал мой ответ В.О. Рукавишникову, выходящий за все рамки диссертационных приличий. Не помню точно, о чём шла речь, но тогда я это воспринял как абсолютно нерелевантную обсуждаемой тематике реплику, и сказал, что мы можем об этом поговорить в кулуарах, а здесь я предлагаю вернуться к основному вопросу, выносимо-

му на защиту. Мансуров, который был председателем совета, тут же меня одернул, напомнив, что здесь решается моя судьба, а не научная проблема. Возможно, он был прав, но в тот момент, я даже не понял, зачем он это говорит. В результате, я получил несколько чёрных шаров, но защита состоялась. Виктор Фёдорович Петренко, о котором я уже упоминал, на импровизированном фуршете в нашем секторе на четвертом этаже институтского здания никак не мог поверить, что такая защита возможна: "Такого демократического совета не только не видел, но никогда бы не поверил, что он возможен. У нас бы в Институте психологии такая работа, при таком поведении диссертанта никогда бы не была защищена. Никогда". Батыгин был доволен, и только это было важным тогда.

Работа, действительно, оказалась абсолютно непонятной участникам обсуждения. Наши методисты, уже на тот момент давно отошедшие от методической работы, лишь пожимали плечами. Ядов на самой защите гениально подытожил, разрядив накалившуюся из-за моего невменяемого поведения обстановку, сравнив работу с филигранно выкованной саблей, которую еще не время вынимать из ножен. И дело здесь не в подготовке или отсталости российских исследователей, скорее базовая аксиоматика работы выпадала из привычной картины мира с жёстким делением процедур на количественные и качественные. Ни одной ссылки на российские работы. Традиция, которая прошла у нас незамеченной, уже насчитывала несколько десятилетий жарких дебатов за рубежом. И тут всё разом, без всякой подготовки, наскоком. Не удивительно, что на меня смотрели как на баламута, не испытывающего уважения ни к старшим коллегам, ни к российской науке. В свою очередь, у меня не было ни йоты благоговения перед моими критиками или недоумеваящими над методическим энтузиазмом наблюдателями. Было лишь два исключения: Владимир Александрович Ядов и Юрий Александрович Левада. Ни тот, ни другой не приняли работу, посчитали её проходной и не заслуживающей внимания. Левада, с которым Батыгин договаривался об официальном оппонировании, сначала согласился, а потом отказал со словами, что ничего в диссертации не понял.

Саму защиту обрамляли два важнейших события, задавших траекторию дальнейшей жизни, с одной стороны, и нивелировавших какую-либо значимость ритуальной полемики в Институте социологии — с другой.

Первая половина этого небольшого периода работы с Батыгиным была посвящена написанию книги "Когнитивный анализ опросного инструмента" (название предложил Батыгин, поскольку я долго мялся, не решаясь остановиться на том или ином варианте) и переводам двух монографий Садмена, Бредберна и Шварца: "Как правильно задавать вопросы" и "Как люди отвечают на вопросы". В ФОМе текущим разработкам и рекомендациям от экспериментальных планов применения не нашли, но интерес к развитию методического направления у Ослона по-прежнему был большой, поэтому взяли на фантастических условиях. Платили какую-то ежемесячную сумму только за то, чтобы я приходил по понедельникам на планёрки, где обсуждался набор вопросов в очередную "Пенту" (еженедельный общероссийский опрос). Александр Анатольевич Ослон тогда полагал, что можно из меня сделать "специалиста по вопросам", который с ходу мог различать хорошие формулировки от плохих, и, в конечном счете, отвечать за весь опросный инструмент ФОМа. Я в это не верил, но каких-то особых возражений не высказывал. В тогда же переведенной книжке упомянутых выше авторов было вписано прямое предостережение от подобных идей. Они утверждали, что за все годы, проведенные в разработке анкетных вопросов, им ни разу не удалось составить хороший вопрос. Пилотаж всегда выявлял какие-либо нарушения, которые не могли заметить специалисты высочайшего класса. На мой взгляд, ФОМу требовалась методическая или когнитивная лаборатория, но в то время даже речи не могло идти о том, чтобы часть методических затрат пе-

реложить на заказчика. Азарт от первых результатов стихал, а рутинной работы не удавалось организовать. В какое-то утро понедельника я проснулся и понял, что не хочу больше работать в ФОМе. Просто набрал номер Елены Серафимовны Петренко (я тогда общался по большей части именно с ней) и без объяснения причин, сказал, что с сегодняшнего дня не хочу больше работать.

Это был мой первый уход из ФОМа. Непростительно мальчишеский, впрочем, как всегда. Ещё с Банка "Находка" я уяснил, что самое главное, чтобы на работе было комфортно, и если возникает острое чувство неудовлетворенности, лучше уйти. Вот такие странности характера. Мои отношения с Ослоном испорчены не были, но позицию чудаковатого малого я, по всей видимости, получил. Сейчас могу лишь сказать, что благодарен судьбе, что она постоянно сводила меня с людьми, которые принимали такую странность и не переносили её на все остальные мои действия, мнения. Действительно, я легко могу уйти, когда не чувствую обязательств, и работа начинает приобретать ритуальный характер. Надеюсь, что в остальном уровне моей ненадежности не стремится к максимальным значениям.

Вторая половина пришлось на проект, инициированный Рольфом Швери, с которым меня познакомил Батыгин. Проект с подачи Рольфа назвали громко: "Будущее молодежи России". В нём работало несколько исследовательских команд. Было количественное исследование девиантного поведения молодежи, проведенное Александром Юрьевичем Мягковым, изучение жизненных траекторий под руководством Давида Львовича Константиновского, что-то писал о молодежной занятости Александр Темницкий. Я изучал молодежные формальные организации. В результате получился любопытный кейс, когда параданные дали более содержательную информацию, нежели основные, ради которых и проектировалось исследование.

Проект проходил в трех регионах: Москве, Красноярске и Краснодаре. В нашей литературе вошло в привычку обосновывать выбор регионов какими-нибудь "объективными" параметрами: социально-экономическим развитием, географическим расположением, численностью населения и т.д. На самом деле, чаще за этим стоят личные пристрастия исследователя. В этот раз не было исключения. Москву выбрали, поскольку никуда не нужно было ехать, в Красноярске я хотел повидаться с друзьями, а Краснодар попал по созвучию и тому, что на тот момент там жил Олег Оберемко, с которым у Батыгина были давние хорошие отношения. Запланировали взять по сорок развернутых интервью с руководителями молодежных организаций в каждом регионе. После серии обсуждений сразу же улетел в Красноярск. Слишком сильно тогда потянуло в студенческую alma mater.

Поселился у однокурсника по экономическому факультету, Александра Варежкина. На тот момент он возглавлял Контрольно-ревизионное управление Красноярской налоговой инспекции. Сидели с ним, выпивали, вспоминали прошлые приключения, а я сетовал, что ума не приложу, откуда эти молодежные организации извлекать. И вот тут он предложил гениальный по своей простоте ход: "Если задача состоит в том, чтобы изучать организации и сузить их до формальных, то единственно правильное решение — идти в Минюст, где они проходят регистрацию. По запросу чиновники точно обязаны дать список таковых". Так и сделал, и вскоре получил список из пары сотен организаций, зарегистрированных в Красноярске. У меня оказалась на руках таблица с перечнем названий организаций, руководителей, контактных данных (телефона) и юридических адресов. Не трудно догадаться, что имея на руках столь ограниченную по численности генеральную совокупность, я решил сделать сплошной локальный телефонный опрос с основной задачей — рекрутинг на развернутое интервью. Сел за телефон и, фактически, пропал для друзей на месяц. В Красноярске я пробыл около сорока дней. Думал, со всеми повидаясь, но в

итоге, график работ был настолько напряженным, что пришлось ограничиться лишь вечерними разговорами с Сашей. За это время я взял 40 личных интервью под диктофон и провел несколько сотен телефонных разговоров, конечно, какие-то из них ограничивались лишь телефонными гудками. В результате в личных интервью ничего стоящего тогда не увидел: формальные обороты, фактически, устные отчеты о проделанной работе или жалобы на власть, недостаток финансирования, пассивность молодежи и т.д. Видимо просто не смог разговаривать в выбранном ритме своих собеседников.

Зато регистрация телефонных соединений позволила сформулировать и проверить весьма любопытные гипотезы, сконструировать концепт открытости, или доступности, формальной молодежной организации. Последний я разложил на несколько составных элементов: (1) техническую доступность, или возможность дозвониться до абонента, (2) организационную доступность, или наличие организации по указанному телефону, (3) доступность для разговора руководителя, или возможность получить его контакты, поговорить по уже известному телефону, и, наконец, (4) коммуникативную доступность, выраженную уже в личной встрече. Сформировалась воронка отбора, в которую входил весь массив зарегистрированных организаций, а на выходе были лишь те, с кем удалось пообщаться. Через такую операционализацию стало возможным говорить об открытости, как основном атрибуте некоммерческой организации, не через лозунги и призывы к совместной работе, а посредством описания фактического состояния дел.

Каких только казусов не было в ходе этого исследования. И выяснение отношений, и угрозы за навязчивые звонки, и искреннее недоумение в том, что данный вопрос хоть кого-то интересует, и долгие выяснения того, о чём идёт речь. К более-менее открытым организациям в моей типологии, или тем телефонам из списка, по которым хотя бы удалось установить наличие молодежных организаций, относились 20% единиц наблюдения и эта цифра оказалась устойчивой как для Москвы, так и Краснодара. Эту же цифру я обнаружил у других исследователей, пытающихся оценить реалии российской молодежной политики. Наибольшее удивление у меня вызвал тот факт, что средний возраст молодежного руководителя составлял почти 50 лет (я, конечно же, задавал несколько вопросов своим абонентам, если удавалось с таковыми поговорить). Это подтолкнуло сформировать ещё один исследовательский план, который я реализовал уже на московском массиве уставных документов молодежных организаций. Проведя контент анализ и построив семантические сети отглагольных существительных, определяющих уставные цели организаций, обнаружил, что все цели вписываются в 11 словоформ. Центральными из них были две, "развитие" и "содействие", а дальше: поддержка, защита, воспитание, образование и т.д. Пазл начал складываться. Возраст молодежного лидера российских формальных организаций и не мог быть иным, поскольку они создавались не для реализации запросов и интенций молодежи, а, исключительно, для проведения "воспитательной работы", "поддержки государственных или муниципальных программ" и "подготовке молодежи к взрослой жизни". Формальные молодежные организации, с их лозунгами о выражении интересов современной молодежи, сквозь призму такого анализа представали, напротив, машинами по социализации, выражающие интересы старших поколений. В чистом виде индустриальный проект, плохо, еле-еле работающий, но несущий в себе все признаки института подавления (по Фуко). Отсюда понятен колоссальный разрыв между формальными и неформальными молодежными объединениями. Невозможность перехода первых в юридическое поле без потери изначальной идентичности. Другими словами, формальной у нас становится только та молодежная организация, руководство которой начинает работать не "для" а "над" молодежью, приобретает черты наставничества и менторства.

По результатам проекта делал доклад во Фрибургском университете, в Швейцарии. Тамашные студенты сидели открыты и никак не могли взять в толк, как молодежные инициативы могут быть заменены воспитательной работой. У нас в России, выпустили ряд статей в журналах, сборник работ, провели конференцию. Последнюю конференцию Геннадия Семёновича. По-моему, Владимир Владимирович Костюшев тогда сделал его фотографию. Батыгин с пачкой сигарет в руках, прямо, с ироничным огоньком в глазах смотрит в камеру. Заострённые черты лица, как предвестники беды, о которой тогда никто не мог даже предположить...

— **Безусловно, Вы прошли очень сильную, уникальную профессиональную школу и школу человеческих отношений ... теперь — мой вопрос: "Как сложились следующие два-три года?"**

— Трудно сказать. Из-за фрагментарности, какой-то надломленности, они вспоминаются странным зигзагом, пунктирной линией, пробелы которой указывают на минуты отчаяния. Были и взлёты, устремления, влюблённость, попытки обустроить быт и профессиональное пространство:

*То было когда-то тогда,
То было тогда, когда нет...
Клубились, звенели года -
Размерены, точно сонет.*

*Любил, изменял, горевал,
Звал смерти, невзгоды, нужду.
И жизнь, как пират — моря вал,
Добросила к бездне. Я жду!*

*Я жду. Я готов. Я без лат.
Щит согнут, и меч мой содаёт.
И жизнь мне лепечет: "назад" ...
А смерть торжествует: "вперёд!"*

Это строки Игоря Северянина, но ощущение, что мои. Если говорить о тех годах, лучше не скажешь...

В личном, эмоциональном плане эти три года, с 2003 по 2006, оказались периодом беспредельного лихолетья, ураганом эмоций, сметающим всё и вся. Привыкший всё доводить до предела, вершины абсурда, я всматривался в свои поступки. Порой ужасался их невозможной беспечности и беспардонности, порой злорадствовал над собственной ничтожностью. Не знаю. Сейчас я вижу в этом какую-то достоевщину, доведение ситуации до звенящей ноты, надрыва, за которым ничего не должно быть... А жизнь продолжалась. Тотальная непрерывность бытия толкала на всё новые и новые поступки, многие из которых весьма сомнительны, порой недопустимы с нравственной позиции. Но даже в самом падении, вдруг обнаруживалась красота, и это завораживало, оправдывало невозможное, захватывало дух.

Незаметно для себя увлёкся и влюбился в свою будущую жену, Ксению Максимовну Мануильскую, или просто Асю, как её зовут все домашние. В 2002 году Геннадий Семёнович как-то мимоходом сказал, что нашёл мне толковую магистрантку, которой нужно помочь с дипломной работой, тем более, я уже вёл у неё курс по политической социологии в РУДН. В редакцию (так мы всегда звали нашу 419 комнату в Институте социологии) пришла худенькая, кудрявая девушка с какой-то маленькой папочкой в таком же маленьком портфельчике. Я тогда носил огромную, неухоженную бороду и старался выглядеть не от мира сего, что неплохо получалось, в том числе в силу сопутствующих обстоятельств. Внешняя несочетаемость собеседников была комична до невозможности.

Ксения Максимовна хотела заниматься социологией моды, не помню уже по какой причине она не пошла к Александру Бенционовичу Гофману. Я не возражал, но как-то за разгово-

рами, после серии встреч, обсуждений незаметно навязал тему тестирования вопросников. На тот момент она работала в Маркетинговом агентстве "Step-by-Step", вела проекты со сложными клиентами. И мы стали запускать экспериментальные планы как сопутствующий продукт маркетингового исследования. Помню, был у них анализ рынка салонов красоты, на котором вручили интервьюерам диктофоны и потом Ася долго возилась с разработкой кодификаторов и последующим анализом полученных данных. С тех пор она занимается пилотажем анкет и разбирается в ошибках измерения. На мой взгляд, Ася — один из немногих специалистов в этой столь непопулярной в российской социологии области. Хотя о пилотаже анкет заявляют все, но делают это мимоходом, со словами, за которыми не видны ни методическая работа, ни желание таковой.

Ася рано потеряла маму (умерла от рака в сорок с небольшим). Детский, доверчивый взгляд тех месяцев у неё неожиданно замесался сдержанной уверенностью, какой-то неведимой твёрдостью. Тогда изумрудно-зелёные глаза отдавали карим металлом. Это завораживало. У нас разница в восемь лет, которую я абсолютно не ощущал. И привычные, после книжки Эрика Берна вошедшие в повседневность наклейки на отношении "взрослый-ребёнок", "ребёнок-ребёнок", "взрослый-взрослый" у нас не работали. В Асе — целый мир, со всем набором красок и настроений.

Она любит и умеет путешествовать. Я всегда это делал спонтанно, необдуманно, потому бестолково. Именно врождённая внеплановость не позволяла мне самостоятельно путешествовать за границей. Любые заполнения бумаг на визу, бронирование гостиниц, планирование маршрута вызывало и вызывает ослиное сопротивление. Ася все туристические хлопоты взяла на себя, и мы начали ездить. Но поскольку я никогда не различал работу и отдых, туризм у нас получался своеобразный. Одна из самых удачных поездок тех лет — это романтическое турне по академическому миру Германии. Мы ещё не были женаты, и это был самый пик нашего страстного романа. У Аси свободный немецкий. Списавшись с профессорами и назначив встречи, в апреле 2006, мы за две недели объехали дюжину городов и посетили пятерых по-настоящему выдающихся и неординарных учёных, посвятивших долгие годы организации и проведению социальных исследований.

Прилетели в Берлин. Погуляли по городу и на следующий день поехали в небольшой городок в центральной Германии, Халле-Зале, расположенный недалеко от Дрездена и Магдебурга. Хайнц Заннер из Университета Хаале-Зале, занимался методологией опросов в далёких 1960-х. Пенсионер, потрясающий рассказчик и танцор. Мы встретились у него дома — большой квартире в старом дореволюционном здании. Книжки. Много, много книг. Полки во всех комнатах, длинном коридоре, под самый четырёхметровый потолок. Каталожные ящики из библиотеки, в которых он хранил всякую мелочь — от иглолок и наперстков до спичечных коробков, — в зале огромный музыкальный автомат откуда то из 1920-х, который я видел только в американских вестернах. Под его звуки Ася с Заннером отплясывали твист на четвёртом часу наших посиделок. Это была фантастическая встреча. Хайнц всё удивлялся, что мы затеяли поездку за свой счёт, не рассчитывая ни на гранты, ни на университетское возмещение академических встреч. Он пригласил нас переночевать и разговоры продолжились утром... Хайнц не знал английского, но смех, какая-то удивительная динамика общения отнюдь не прерывались вынужденными паузами, в которые Ася переводила фрагменты его заезжаваний. Хайнц много шутил и был искренне рад нашему приезду. А мы были просто счастливы от той чудной ночи в книжном

полумраке профессорского дома.

Вторым собеседником стал Армин Шоль — профессор из Университета Мюнстера, специалист по медиа-исследованиям. Когда вернулись в Москву с Асей написали рецензию на его книжку по коммуникативным исследованиям⁴. Встречались в Институте коммуникационных наук, в его рабочем кабинете. Обсуждали развитие медиа исследований. От него узнали удивительное — основателем медиа-проектов в Европе, а может и в мире, считается Макс Вебер, который впервые провёл опрос в одной из немецких газет. К сожалению, материалы не сохранились, и всё, что можно узнать об этом эпизоде в профессиональной биографии великого социолога — это устные воспоминания и обрывочные упоминания в некоторых монографиях. Получается, что Пол Лазарсфельд, эмигрировавший в Америку и развернувший там обширный исследовательский проект по изучению медиа, не был первопроходцем. Его европейский коллега уже многое подготовил, чтобы стали возможны теперь уже классические труды Лазарсфельда по медиа измерениям.

Мы привыкли воспринимать классиков социологии по титульным публикациям, не отдавая себе отчёт насколько противоречивой и многосторонней может быть их профессиональная судьба. Так, уже Томас Петерсен рассказал нам о значительном вкладе Фердинанда Тённиса в методологию эмпирических исследований. Мы знаем его по азбучному различению общины и общества, а он не мало лет потратил на развитие количественных методов измерения и анализа (называя это направление социографией). Но эта часть его труда так и осталась маргинальной, практически, никому не известной. Я уже не говорю о забытых авторах, упоминаемых лишь на полях учебников (в русскоязычных изданиях их фамилии можно встретить, пожалуй, только у Н.И. Лапина и И.С. Кона)⁵.

Во-первых, Готлиб Шнаппер-Арендт, издавший в 1888 году монографию "Методология социальных обследований", в которой, пожалуй, впервые поставлен вопрос о различении информанта и респондента, намечены методические подходы к определению уровня компетентности и включенности собеседника в тематику опроса. Проблематизация роли и места субъекта социологической информации, с одной стороны, ставит под вопрос репрезентативность выборки, или выятное определение целевой группы исследования, с другой — предъявляет более жёсткие требования к инструментарию, формулировкам и порядку вопросов в анкете.

Во-вторых, Альфред Вебер и Хенрик Херкнер, которые совместно с Максом Вебером, в 1909 году провели крупнейшее эмпирическое исследование тех лет: "Выбор профессии и профессиональная судьба рабочих в различных отраслях экономики и крупной промышленности". Необычность и значимость этого проекта заключается в смешанном подходе, зарождение которого обычно связывают с 1990-ми годами. Тогда же, в начале прошлого века, исследователи ничуть не менее искушённые в опросной методологии, нежели наши современники, связывали количественные данные об уровне зарплаты и производительности труда с качественными сведениями о профессиональных биографиях рабочих. Актуализация именно рабочих судеб и жизненных перипетий трудяг удивительным образом переключается с тем, что делаете вы, Борис Зусманович, изучая российских и американских обществоведов.

В-третьих, нельзя пропустить работы Адольфа Левинштайна и его блестящую монографию "Рабочий вопрос", опубликованную в 1912 году. За четыре года почтового опроса было разослано 8 тыс. анкет по всем индустриальным районам Германии, из которых вернулось 5200, или 63%. Детальный анализ

⁴ Мануйльская К.М., Рогозин Д.М. Рецензия на книгу А. Шолля "Формулирование вопросов: Методы общественных наук и их применение в исследовании коммуникаций // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 2. С. 149-155.

⁵ Лапин, Н.И. Эмпирическая социология в Западной Европе: Учебное пособие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004; История буржуазной социологии XIX - начала XX века / Под ред. И.С. Кона. М.: Наука, 1979.

полученных ответов подтолкнул Левинштайна к качественным исследованиям (еще один сигнал о проблематичности отсчета смешанных исследований от совсем недавнего времени). В результате были опубликованы еще три работы: "Из глубины: письма рабочих", "Рабочие философы и поэты", "Жизненная трагедия одного подёнщика".

После Мюнстера поехали в Кёльн — сердце немецкой методической мысли. Встреча была назначена с Францем Бауске. В Кёльнском архиве он заведовал вводом данных, держал только одного аспиранта, в обязанности которого входило приготовление коллективных обедов и закупка вина. Огромный сосуд, доверху заполненный пробками от бутылок, символизировал интенсивность научной работы. Франц — удивительно лёгкий и непринуждённый человек, исследователь с эстетикой искромётного перформанса. Конечно же, наши разговоры шли за столом, под вино и дым от сигар. Подошли коллеги. Более всего поразила Мария Ролингер, отвечающая за анализ данных, в недавнем прошлом мужчина. Это была моя первая встреча с человеком, изменившим пол, потому оторопь была не малая от густого баритона под плотно напудренными щеками и яркой помадой губ.

Последняя встреча состоялась на самом юге Германии, недалеко от Констанца в небольшой деревушке Алесбах, в Институте демоскопии. Там самом, основанном Элизабет Ноэль-Нойман. К сожалению, в те дни она себя плохо чувствовала, и мы встречались с её учеником, коллегой, соавтором третьего издания одной из наиболее известных в России методических монографий, Томасом Петерсеном. Институт расположен в небольшом деревянном особняке, обросшем несколькими постройками. В коридорах книги, фотографии, живые растения. Удивительное ощущение уюта и мгновенно возникающее желание работать. Засмотрелся на фотографии Ноэль-Нойман в молодости. Потрясающая красавица, от которой только незрячий мог не потерять голову. Долго разговаривали с Петерсеном, затронули ситуацию с исследованиями, развитием эмпирической социологии в Германии. Обсуждали роль частной, коммерческой организации в накоплении социального знания и развития методологической рефлексии.

Материалы этой поездки и дополнительная обширная переписка с немецкими исследователями легли в основу кандидатской диссертации Аси. За это время у нас родились Фёдор и Александр, а совсем недавно появился младший, Андрей... Мне просто повезло, что семейная жизнь оказалась неразрывно связанной с кругом профессиональных интересов. Возможно, по-другому я бы и не смог.

— Ох, Дима, все наши "минусы" — продолжение "плюсов", интерес ко многому оборачивается разбросанностью поисков. Это — нормально. Однако здесь важно не расплескаться, но все же объединить внешне различные, даже противоречивые интересы под общей "шапкой". Прошло почти десятилетие после описанного периода. Во что вся неопределенность тех лет вылилась? Где Ваша делянка на огромном поле социологии, которые мы все вместе пашем и обиходим?

— На поле социологии — совсем незначительная, можно сказать, мизерная. И тому есть две причины.

Во-первых, я не склонен толковать социологию в расширительном ключе, как прародительницу и хранительницу всего социального знания. Потому многое, что я делаю, на чём специализируюсь, можно отнести с таким же успехом к когнитивной или социальной психологии и социальной экономике — это из больших гранд-наук. Но более точно моя деятельность будет описываться в дробных дисциплинарных границах — политических исследованиях, юзабилити исследованиях, этнографических наблюдениях, изучении организационного поведения, исследованиях кино, опросах общественного мнения, наконец, методологии социальных обследований. Постоянно находясь в междисциплинарном поле, я вынужден подбирать

литературу без оглядки к какой области знания она относится. Вы скажете, это нормально для любой дисциплины. Но если говорить о социологии, то в моём случае, она уже не удерживает связующей роли, некоторого интегратора разнообразных информационных потоков.

Во-вторых, мне совсем не хочется ассоциироваться со многими в России, кто на каждом углу говорит о своей принадлежности к цеху социологов. И дело не в ханжестве или надменности по отношению, к зачастую, старшему поколению. Скорее я ощущаю абсолютную чужеродность тех речевых конструкций и практических действий, которые вижу у как-если-бы коллег по социологическому цеху. Руководство Института социологии, академики от социологии, многочисленные директора институтов и околоправительственных учреждений, в названиях которых включено что-то эдакое социологическое — это всё, что хочется вычеркнуть из своей жизни. Когда ведёшь переговоры с чиновником и слышишь: "сделайте мне социологию", то эхом отдаются результаты деятельности этой когорты учёных. И как не раз повторял Сергей Чесноков, здесь больше трагедии, нежели коварства и злого умысла.

Сильнейшим образом я ощутил это, когда пересекся, как оказалось, в последние годы жизни с Владимиром Эриховичем Бойковым, социологом старой школы, формировавшем опросную культуру в 1990-е годы со стороны Российской академии государственной службы (РАГС). Свой институт, исследовательский центр в академии, журнал "Социология власти", выпускающая кафедра, диссертационный совет и сотни общероссийских проектов, проводимых на бюджетные средства. Все атрибуты успешного исследователя, достигшего вершины карьеры. Когда объединяли РАГС и АНХ, создавая единый, порой весьма неповоротливый РАНХиГС, Бойкову сначала резко ограничили количество проектов, потом забрали журнал, центр, шикарный кабинет и прочие атрибуты институционального статуса и престижа. Я встречался с ним всё это время, поскольку был одним из тех, кто должен был экспроприировать символический капитал, но делать это не было никакого желания. С одной стороны, потратив достаточно времени, чтобы разобраться в особенностях методического сопровождения и организации исследований, я обнаружил чудовищные нарушения, граничащие с халтурой, массовыми фабрикациями и некомпетентностью региональной сети, которая обслуживала проекты бывшего РАГС. С другой — я увидел думающего, способного рассуждать о методологической проблематике, высококвалифицированного специалиста, того, с кем хотелось бы входить в проекты, ошибаться, искать решения... Такая дуальность. Когда этим летом мимоходом в коридоре мне сказали, что умер Бойков, я не поверил. Настолько, что силясь набрать его номер, позвонить, услышать, неизменно поставленный, располагающий к общению голос, но... не сделал этого. А через пару месяцев увидел небольшую некролог в Социсе. И дело не в том, что никто не заметил его ухода и не было публично объявлено о прощании и похоронах. А в том, что большая часть его наследия, содержательного, без ссылок на хороший характер, мужество и особенности жития в, фактически, партийной структуре, ничего из себя не представляет. Если посмотреть на последние лет двадцать, от Бойкова не осталось ни одного текста, заслуживающего работы с ним, проверки заложенных гипотез или теоретических построений, продолжении исследовательского труда. И это огромная трагедия специалиста высочайшего уровня, реализовавшегося вовсе не по полученной специальности, а в становлении некоторого вида деятельности, который принято у нас называть социологией.

Схожие нотки пустоты и разрушения, я слышал в тронных речах Горшкова и Осипова или, в менее пафосных коммуникативных ситуациях, которые у меня были с Ю.Н. Толстовой, М.С. Косолаповым, О.М. Масловой... По-разному, но с неизменной трагической надломленностью, финалом, за которым ничего нет. Звенящая научная "придурковатость" разменяна на вязкую

тину текущего, усыпляющего восприятия со стороны людей, не имеющих никакого отношения к накоплению гуманитарного знания.

Летом 2014 года я представлял в Федеральной антимонопольной службе экспертизу вЦИОМовского исследования по делу о нарушениях рекламного законодательства. ВЦИОМ провёл неплохой онлайн опрос по оценке восприятия рекламы медицинских препаратов, как водится, со множеством недоработок и ошибок в построении аргумента. Это нормально, ошибки — хлеб методиста, основа роста знания. Ненормально другое — в разбирательстве стороны мерялись не аргументами, полученными из опыта, экспериментальных планов, а институциональными приписками и печатями. Оценивалась не чистота проведённых исследований, а вес экспертного голоса в юридическом поле. На заседании всплыло наименование структурного подразделения Института социологии — Лаборатории социологической экспертизы, которая специализируется на подготовке различного рода документов для судебных и ведомственных разбирательств. Научная объективность и непогрешимость анонсируемого знания, производимого этой лабораторией, сильно отдавала уже забытыми комсомольскими собраниями. Как-то слишком устойчив партийный душок у отечественной социологии, и странным образом он не выветривается, а настаивается и наслаивается на всё новые и новые реалии.

Поэтому я не вижу своего места на "огромном поле российской социологии", и идентичность социолога мне чужда. Не раз приходилось от неё отрезаться, утверждая на переговорах с заказчиком, что я не социолог, а исследователь, готовый ре-

шать реальные задачи, а не заниматься пустыми разговорами. Безусловно, есть сюжеты, в которых я активно использую теоретические ресурсы этой области гуманитарного знания, опираюсь на них, рассматриваю как основу дальнейших рассуждений. Например, изучение коррупции социального, или эрозии социального порядка. С разных сторон подходу к этой теме, я раз за разом обнаруживаю весьма схожие элементы коррупционных отношений в бизнесе, государственной сфере или академических (социологических) исследованиях. В более широком толковании коррупции я опираюсь на всё еще актуальную эволюционную теорию, когда-то блестяще описанную Гербертом Спенсером. Или проект по изучению некоммерческих организаций, где в качестве оптики выбран "новый институционализм" — весьма почтенное направление, с несомненными социологическими корнями. Или обращение к социологии труда и ядовской теории диспозиционной личности, когда возникает необходимость реконструировать культуру заводских рабочих, приблизиться к пониманию их жизненного мира.

Но в большинстве случаев моя "делянка" намного скромнее и находится где-то на опушке, у самого края возделанного поля. Это, в широком толковании, методология социальных исследований, а в узком — ошибки измерения и репрезентации. Искренне полагаю, что приписывать эту область знаний социологии — ошибка. Концептуальные описания, теоретические схемы, экспериментальные планы и полевые записи следует искать в иных дисциплинах. Я — не социолог. Хотя не исключаю, что когда-нибудь смогу найти своё место в этом поле, но саму идентичность, навряд ли, примерю на себя.